

The theoretical linguistic thinking is mostly monologue. It focused on the transfer of the author thoughts that runs language, controls it, reaching out means of expression. This process of thinking makes deployment opinion on certain logical schemes. This creates harmony interaction of language and thinking. Book type of language thinking is the most logical, analytical and focused on step by step thinkig. Researchers distinguish scientific, artistic and medium (the ability of the speaker to operate equally scientific and artistic methods of communication) types of thinking in this lingvopsychological block.

There are tends to divide between language and thinking, to dialogism in everyday language-thinking process. Standard cliché forms, situational templates, communicative style stereotypes prevail in dealing with such a dominant.

Key words: *language consciousness, style, everyday and practical language consciousness, theoretical language consciousness, culture of everyday life.*

Отримано: 9.02.2015 р.

УДК 821.161.1 – 09

Болтовская Е.А., Лавшук О.А.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Цель статьи – выявить в современных русскоязычных поэтических текстах контексты с прецедентными именами; охарактеризовать тексты, в которых наблюдается взаимопроникновение различных культурных традиций.

Изучение роли иной национальной культуры представляется особенно интересным с точки зрения проблемы поисков духовной, национальной идентичности, формирования самосознания. Такой подход является одним из приоритетных направлений в современных гуманитарных науках, что обусловлено значительным усилением межкультурных контактов и необходимостью решения возникающих в связи с этим проблем.

Важнейшим обстоятельством, которое направляет исследование культурного пространства современной русскоязычной литературы Беларуси, является признание того, что выбор языка творчества и выбор национальной и культурной идентичности не всегда совпадают. Каждый из русскоязычных писателей Беларуси по-своему определяет свои взаимоотношения с русской и белорусской культурными традициями, но вопрос национально-культурного самоопределения важен для всех.

Художественные произведения многих (но не всех) русскоязычных поэтов Беларуси сегодня наиболее полно представлены в антологии «Современная русская поэзия Беларуси», составленной в 2003 году известным поэтом Анатолием Аврутиным. Она являет собой первую в белорусском литературоведении попытку максимально широко представить творчество современных русских поэтов Беларуси за два предшествующих десятилетия. Под обложкой книги собраны стихи 222 «наиболее ярко зарекомендовавших себя авторов», по мнению составителя антологии. А. Аврутин, отмечая важность и необходимость изучения сегодня творчества русскоязычных писателей Беларуси, подчеркивает: «Я считаю антологию главной книгой своей жизни. Когда выпускаешь собственные сборники, это факт личной биографии, а когда выходит антология, высвечивающая важные процессы в отечественной литературе, то это событие знаковое. <...> Русскоязычные поэты жили, творили, писали, и очень даже неплохо. И это убедительно доказывает выпущенная книга» [1, 3].

Для творчества многих поэтов, чьи стихотворения включены в антологию, характерна «погруженность» в культуру. Можно даже говорить о своеобразии преломления культурных моделей, транслируемых русской, белорусской и зарубежной литературами. Это дает основание для конструктивных поисков своей идентичности личностью, оказавшейся в зоне активного взаимодействия разных культур.

Поэтическая модель мира обладает универсальными свойствами, одновременно раскрывая особенности национального менталитета и культуры и обнаруживая индивидуально-авторские способы интерпретации образов окружающей действительности в текстовом пространстве. Для современных русскоязычных поэтов Беларуси характерно почтительное обращение к русской поэтической традиции как к знаковому наследию богатой русской культуры, поэтому одним из важных фрагментов их картины мира, который получает наиболее явное отражение в системе

поэтических ориентиров, культурных установок, являются образы русских поэтов и писателей. В круг тем, наиболее важных для осмысления белорусскими авторами, входит, главным образом, русская классическая литература золотого и серебряного века, литература советского периода. Это положение подтверждается:

1) названиями или первыми строками поэтических произведений: «Александр Сергеевич Пушкин...» И. Поглазова [2, 128], «Блок» М. Шелехова [2, 186], «Надгробье Анны Ахматовой» К. Михеева [2, 107], «Цветаева!..» Е. Каменевой [2, 78], «Памяти Александра Твардовского» Ф. Ефимова [2, 65];

2) упоминанием прецедентного имени в тексте: А. Пушкин, И. Бродский («У меня специальности нет...» Е. Казанцевой) [2, 78], А. Фет («Мне нравится этот поэт...» Д. Симановича) [2, 144], А. Блок («Всю ночь скрипело по бумаге...» В. Деркача) [2, 53], Ф. Тютчев, И. Тургенев («Не для славы, не для денег...» Г. Трестмана) [2, 165], Ф. Достоевский («Что там в Питере? Дождь, вероятно...» Т. Лейко) [2, 95], С. Есенин («Заблудилась в весне» Э. Равич) [2, 134]. Привлекают внимание авторские новообразования, построенные на обыгрывании значимых имён собственных: *И спасёт от душевной измены / Достоевская жёлтая муть* («Что там в Питере? Дождь, вероятно...» Т. Лейко) [2, 95], *Не для славы, не для денег – для искусства одного / правил Тютчева Тургенев, / отургенивал его* («Не для славы, не для денег...» Г. Трестмана) [2, 165];

3) указанием на прецедентное имя через посвящение, эпиграф, название художественного произведения или имена героев произведений русских авторов: стихотворение «Осеннею веткой раскинулись рельсы...» И. Поглазова посвящено Б. Пастернаку [2, 128], «Путник» Э. Прибыльской – Н. Рубцову [2, 133], памяти А. Введенского посвящена «Баллада о безмянном конвоире» В. Чернявского [2, 179-183]; цитаты из произведений А. Фета являются эпиграфами к стихотворениям «Любимая» А. Мельникова [2, 104], «В марте» В. Спринчана [2, 152]; в стихотворении «Рудин» Л. Турбиной описываются «лишние русские люди», и главным среди них признаётся Рудин, а не Онегин, Печорин, Обломов [2, 168], в стихотворении «Осень в провинции» К. Михеева упоминается Иван Карамазов [2, 106] (отсылка к И. Тургеневу, А. Пушкину, М. Лермонтову, И. Гончарову, Ф. Достоевскому);

4) положительно окрашенными оценочными суждениями белорусских авторов о ярких представителях русской литературы и их творчестве: *Поймите наконец: на Чёрной речке / Ведь он её под пулей оправдал!* («Наталье Гончаровой» Ю. Сапожкова) [2, 138], *«Скифы» Блока – вот моя ценность* («Кто это? Кто это?! Кто это?! Я?!» А. Занковец) [2, 77], *Этой тронной выси / ...ах, не превысить!* («Цветаева!..» Е. Каменевой) [2, 79], *...Великий поэт и высокий подъём* (о Б. Пастернаке) («Осеннею веткой раскинулись рельсы...» И. Поглазова) [2, 128]; *Я неправильный русский поэт, / и душа у меня не на месте. / Я не знаю, кто правильным был. / Может, Пушкин, да питерский Бродский* («У меня специальности нет...» Е. Казанцевой) [2, 78]. На протяжении всего стихотворения с помощью глагольных форм в сослагательном наклонении обыгрывается ситуация «свидания» лирической героини с обоими поэтами. Характерно, что в заключительных строках речь идёт об извечном желании любого поэта оставить после себя «памятник нерукотворный», что возможно только после высочайшего «благословения»: *Если песня моя не умрёт – / это Пушкин меня обнимает* [2, 78];

5) сознательными или несознанными реминисценциями: ср. *Дым Отечества горек и едок* («Я настолько горбат...» А. Аврутина) [2, 10] и *Отчества и дым нам сладок и приятен* («Арфа» Г. Державина, «Горе от ума» А. Грибоедова, «И дым отчества нам сладок и приятен...» Ф. Тютчева); *Когда вся жизнь вот так проходит – / Приходят воля и покой* («Уйдя от всякого соблазна...» В. Бобрикова) [2, 34] и *На свете счастья нет, но есть покой и воля* («Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» А. Пушкина); *И там, под голубыми небесами...* («Город» В. Лазаревой) [2, 91] и *Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...* («Зимнее утро» А. Пушкина); *Мой голос слаб, мне не перекричать...* («Гимн» М. Володина) [2, 43] и *Слаб голос мой, но воля не слабеет...* (одноимённое стихотворение А. Ахматовой); *Я просто научилась жить...* («Я больше не боюсь грешить...» А. Красовской) [2, 87] и *Я научилась просто, мудро жить...* (одноимённое стихотворение А. Ахматовой).

На фоне выдвигания на первый план русской культуры наблюдаются немногочисленные вкрапления белорусских прецедентных для литературы имён: Я. Колас (эпиграф к стихотворению «Прощай, прощай, Высокий берег...» Ю. Богданова) [2, 34], В. Короткевич – в стихотворении «Мне нравятся Владимир Семёнычи!..» А. Сарапкина (следует отметить, что данный текст содержит двойное посвящение «Памяти В.С. Короткевича и В.С. Высоцкого, в судьбах которых было немало общего» [2, 141]), чаще встречаются посвящения поэтам-современникам: А. Аврутину («Я больше не могу молчать...» А. Павловской) [2, 124], Л. Шелег («Это всё было правда...» А. Павловской) [2, 124], В. Айзенштадту («я как огонь вошёл в круг обнажённых женщин...» Д. Строцева [2, 155]).

По нашим предположениям, такая неравномерная представленность элементов русской и белорусской литературной традиции в исследуемых текстах связана с тем, что сами тексты созданы на русском языке, а следовательно, вполне логично и правомерно их соотносить с ключевыми образами и наивысшими достижениями именно русской культуры.

Ещё более скромно представлены имена деятелей словесной культуры зарубежной литературы: в стихотворении «Письма» С. Евсеевой упоминается О. Бальзак [2, 61], в эпитафии стихотворения «Гончар» А. Чёрной используются цитаты из произведений О. Хайяма, в стихотворении «Блок» М. Шелехова [2, 186] имеется отсылка к У. Шекспиру, но не целенаправленная, а опосредованная блоковским восприятием трагедии «Гамлет»: ср. переключку строк *Тебя, Офелию мою, / Увёл далеко жизни холод...* («Я – Гамлет. Холодеет кровь...» А. Блока) и *...на бледном стебле гиблых вод, / как недоношенный ребенок, / сестра Офелия плывёт!* («Блок» М. Шелехова) [2, 186].

Широкий состав средств и способов лексической экспликации образов русских поэтов в исследуемых поэтических текстах позволяет говорить о значимости русской культуры в поэтической картине мира современных белорусских авторов, доказывает их преимущественную ориентированность на русскую художественную и национальную традицию.

Наряду с филологическим вертикальным контекстом (отсылки к именам «художников слова») в исследуемых текстах выявляется богатый социально-исторический контекст (отсылки к именам известнейших людей, например, политических лидеров, к широко известным топонимам, историческим событиям и др.): царь Алексей, Пётр I, Карл у Полтавы, Сталин, Ленин, Берия, Нострадамус, Хаммурапи, Роден, Врубель, Бенуа, Москва, Колыма, Сенатская, Дворцовая, Летний сад, Нева, Израиль, Рим, Везувий, Эверест, Висла, Вена. Даже названия многих стихотворений свидетельствуют о доминировании «чужих» культурных знаков над собственно белорусскими: «Век восемнадцатый. Россия», «Россия. Ночь. Змеящаяся трасса...», «Русь», «Петербург, Петроград, Ленинград...», «Я из Арзгира...», «Нерон», «Парижская осень», «Париж», «Варшавская осень», «Краков», «Итальянское каприччо», «Тадж-Махал», «Джоконда в Копенгагене».

В отличие от имен белорусских писателей и поэтов белорусские топонимы (Беларусь, Минск, Витебск, Гродно, Грушевка, Холопеничи), гидронимы (Березина, Свислочь, Днепр) всё-таки встречаются не только в самих текстах, но и в сильной позиции названия произведения («По Березине», «Дождливый день. Гродно», «Зеркало Свислочи», «Заснувшие поставские озёра...»). Характерными приметами стремления некоторых авторов обозначить свою национальную принадлежность можно считать обращение к национальным символам, например, к одной из главных достопримечательностей Беларуси (стихотворение «Беловежской пуще» Л. Лукши) [2, 101]; упоминание места рождения художника с мировым именем: *и юный Марк Шагал / по Витебску идёт* («Взлетит вороний грай...» Д. Симановича) [2, 143]; макароническое вкрапление белорусизмов в ткань произведения не для создания комического эффекта, а для подчеркивания причастности автора к «матчиной мове»: 1) *Гигантов столичных милее мне хаты...* («Беловежской пуще» Л. Лукши) [2, 101]; 2) *Возможно, на «Дзяды» сюда придут...* («Гораздо больше близких там, чем здесь...» А. Сарапкина) [2, 141]. Дзяды – славянский народный обряд, связанный с поминовением предков; 3) *Есть у каждого Чёрная речка! / Есть родимая стежка – / одна среди тысяч дорог* («Столько нищих прошло...» А. Аврутина) [2, 7]. В данном примере гидроним *Чёрная речка* метафоризируется и обозначает не место, где был смертельно ранен А. Пушкин, а место (или время) смерти, которое у каждого своё. *Стежка* (а не тропинка) наделена эмоционально-оценочным эпитетом *родимая*, который в русском языке разговорный, зато фоносемантически переключается с белорусским словом *радзіма* (родина); 4) *Пусть он ещё исколесит полмира, / Заморские увидит города, / Жалейки голос, / Тоненький и милый, / В его ушах не смолкнет никогда* («О русская земля...» В. Тростянского) [2, 167]. Лексема *жалейка* имеется и в русском языке, но в данном тексте, на наш взгляд, она, будучи повторённой дважды, помогает выявить авторскую аллюзию: в Петербурге был издан первый сборник стихов Я. Купалы «Жалейка» (который сразу же запретили), и этот народный музыкальный инструмент стал своеобразным символом белорусской поэзии начала XX века; 5) *На Таганке я слышу, / как ставни скрипят, / Как родные шипшины / летят по Москве* («Белоруска в Москве» Т. Дашкевич) [2, 52]. *Шипшина* (шиповник) – по написанию слово в тексте подчиняется русской орфографии, однако является отсылкой к стихотворению «О Беларусь, мая шипшина...» В. Дубовки, которое белорусами считается поэтическим гимном родной стране; 6) намёк на такие традиционно выделяемые качества белорусского национального характера, как гостеприимство и толерантность: *Беларуси дар – теплом приветить, / К людям обротя и жест, и взгляд, / Умоляю отозваться в детях / «Калі ласка!» их учу ответить / на «спасибо», «дзякуй» и «рахмат»* («Вместо биографии» А. Чёрной) [2, 177].

Поэты остро переживают свою «неправильность», разобщённость современной поэтической братии, упрекают в высокомерии великую державу: *И на Восток глядеть / из Западного края!* («На русском костяке, точнее, на костях...» Т. Лейко) [2, 96]; *Я буду изгоем в родной стороне / За*

то, что в краю белорусском / Нелепое счастье даровано мне – / Меня воспитали по-русски («Возрождение» Л. Яковенко) [2, 195]; *Я – твой поэт, Россия! / А ты мне: «Лимита!...»* («Мне мучорно от страха...» А. Павловской) [2, 122].

Авторы уважительно относятся к общеславянскому и советскому прошлому братских народов; им сложно смириться с искусственным разъединением людей после распада СССР (соответственно, ослаблением и обнищанием государств), в котором они усматривают основную причину нынешних бед и неурядиц: *Мы потому сегодня голь и грусть / И носим в сердце скорбную руину, / Что по живому разорвали Русь / На Беларусь, Россию, Украину* («Русь» А. Тропина) [2, 167]; *Давным-давно / в Германиях иль Польшах / На прахе русском травы поросли... / Но полегло нас / многократно больше, / Когда с мечом мы брат на брата шли* («Мы столько войн в России пережили...» А. Бесперстных) [2, 28]. Имена собственные *Германия, Польша* приобретают несвойственную им в языковой системе форму множественного числа для обозначения «чуждого» пространства в противовес «родному» восточнославянскому. В качестве яркого примера неделимого межнационально-культурного самоопределения приведем стихотворение А. Геращенко «Я – русский»: *Под синим небом белорусским / Познал я радость и беду. / Я – белорус, а значит – русский, / Таким и в небо я уйду. // Мне этот мир казался узким. / Пришлось креститься на ходу. / Я – православный, значит – русский. / Таким и в небо я уйду. // Пока мой Киев не французский, / Свою я сечь всегда найду. / Я – украинец, значит – русский, / Таким и в небо я уйду...* [2, 44-45]. Территория, религия, история – объединяющие восточных славян факторы. Топоним *Киев* имеет двойное толкование: с одной стороны, это «мать городов русских» (перифраз из «Повести временных лет»), с другой – столица самостоятельного современного государства.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1. Русские антропонимы в качестве ценностного ориентира обладают наибольшей культурной значимостью в сознании русскоязычных белорусских поэтов, так как можно отметить повышенную частоту их использования, разнообразие форм представления в тексте, употребление в сильных позициях поэтического текста, взаимодействие с иными средствами художественной образности. 2. Преобладание русского вертикального контекста является (наравне с русским языком) средством, обеспечивающим связность текстов в единый интертекст, своеобразным «пропуском» произведений русскоязычных авторов Беларуси в русскую культуру. 3. Моделирующая функция прецедентного имени в формировании поэтической картины мира заключается в том, что лирическому герою произведения приписываются качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное имя.

Список использованных источников

1. Аврутин бросает вызов Евтушенко [Электронный ресурс] // Рэспубліка. – 2004. – № 39 (3479) (от 28.02.2004). – Режим доступа : http://press.bymedia.net/?mod=p_ind&NPID=37&No=39&Date=28.02.2004.
2. Современная русская поэзия Беларуси. Антология / Сост. А. Ю. Аврутин. – Мн. : УП «Технопринт», 2003. – 200 с.

Аннотация. В статье характеризуется роль прецедентных имен в формировании культурного пространства современных русскоязычных поэтических текстов белорусских авторов; особое внимание уделяется контекстам, в которых отмечается взаимопроникновение и сочетание культурных традиций.

Ключевые слова: современная русскоязычная поэзия, Беларусь, прецедентные имена, культура.

Summary. The article characterizes the role of precedent names in the formation of modern cultural space of Russian poetic texts by Belarusian authors; the focus is on the contexts which are characterized by the combination and the interpenetration of cultures.

It is shown that the study of the role of another national culture is particularly interesting from the point of view of the problem of searching for spiritual, national identity, the formation of self-awareness. This approach is one of the priorities in modern humanities. The article analyzes the work of the Russian-speaking poets of Belarus, who are characterized by “immersion” into the culture. We consider the originality of transformation of cultural patterns broadcast by foreign, Russian and Belarusian literature. This gives rise to a constructive search for identity, by a person who is in the zone of active interaction of different cultures. 1. The Russian anthroponomy as a valuable reference point have the greatest cultural significance in the minds of the Russian-speaking Belarusian poets, as we can be note an increased frequency of their use, a variety of forms of representation in the text, their use in strong positions of the poetic text, interaction with other means of artistic imagery. 2. The predominance of vertical Russian context is a means of ensuring coherence of texts into a single intertext, a kind of

“pass” for works by Russian authors of Belarus in to Russian culture. 3. The modeling function of the precedent name in the formation of the poetic picture of the world lies in the fact that the lyrical hero of a literary work is attributed the qualities the reference medium of which is the precedent name.

Key words: *modern Russian-language poetry, Belarus, precedent names, culture.*

Отримано: 15.01.2015 р.

УДК 82 – 92 : 81'22 (477. 43)

Броварська О.А.

МУЛЬТИМЕДІЙНІСТЬ ПУБЛІЦИСТИКИ БОГДАНА ТЕЛЕНЬКА У СЕМІОТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Процес розбудови незалежної суверенної держави передбачає істотну трансформацію світоглядних орієнтацій та самосвідомості народу, оновлення культурної системи, вироблення морально-естетичних орієнтирів у контексті сучасної свідомісної парадигми. Глибока концептуальність публіцистичного мислення художника породжує творення знакової системи на фоні його творів. Актуальним є дослідження творчості сучасного подільського публіциста Богдана Теленька крізь призму мультимедійності як узгодженого поєднання в єдиному ансамблі кількох медій, що органічно сприймаються й створюють своєрідний мистецький синтез, чим забезпечується чіткіше функціонування знакової системи публіциста. У розв'язанні такої мети нашої розвідки пропонується застосовувати елементи семіотичного аналізу, які сьогодні активно використовуються в арсеналі наукового знаряддя дослідників сучасної української публіцистики В. Просалова, О. Воробйова, Г. Бітківської, О. Бровко та ін.

Осмислення публіцистики, феномен якої однаковою мірою стосується художньої літератури та журналістики, було предметно розглянуто в працях таких учених як А. Аграновський, І. Дзюба, В. Дончик, М. Жулинський, В. Здоровега, І. Михайлин, А. Погрібний, Д. Прилюк, М. Полянян, Т. Салига, М. Скуленко, В. Ученова, М. Шлемкевич та ін. Світоглядна й концептуальна публіцистика є предметом дослідження В. Буряка, Л. Василик, Н. Габор, О. Левкової, Й. Лося й ін. учених. Поетикальні особливості та жанрова специфіка публіцистики ХХ–ХХІ ст. визначають науковий інтерес таких дослідників як В. Галич, С. Гришина, Т. Гундорова, Н. Заверталюк, Н. Ігнатів, Я. Козачок, Т. Хоменко й ін.

Як зазначається у праці В. Будного, «поняття «синтез мистецтв» означає поєднання елементів різних мистецтв у єдиному ансамблі. Об'єднання зусиль літератури й образотворчого мистецтва спостерігаємо в ілюстрованих літературних виданнях, творах літератури й музики – у вокальному жанрі, пластичних мистецтв (архітектури, скульптури, малярства) – в естетичному оформленні довідників» [2, 290-291]. Дослідники традиційно ділять мистецтва на односкладові, що спираються на один носій образності (слово, звук), і багатоскладові (синтетичні), що поєднують кілька різних носіїв образності. У цьому плані традиційно публіцистика є односкладовим видом мистецтва.

«Мультимедійність означає узгоджене поєднання в єдиному ансамблі двох чи більше медій, які одночасно сприймаються різними органами відчуттів» [2, 292]. У такому разі найвдаліше місце мультимедійного звучання – це театр, де на реципієнта впливає музика, читання тексту, світло ефекти, танець та ін. – все підпорядковано єдиній естетичній меті. У публіцистиці Теленька, де автор вимагає від читача детального прочитання тексту із застосуванням уяви, інтелекту, міфологічних та історичних знань, мультимедійність, на нашу думку, найбільше слугує для кристалізації та закріплення знаку. «З погляду семіотики, мови різних мистецтв є знаковими системами (кодами), які взаємодіють та перетинаються в різних аспектах і творять спільний мультимедійний простір. Взаємодія знакових систем у цьому просторі стосується творення комплексних форм кодування й переконання, альянсів, відлуння, комбінації кодів, у зв'язку з чим можна говорити про міжмистецьку інтертекстуальність» [2, 291]. Інтерпретуючи малюнок чи архітектурну споруду (що на ньому зображено), реципієнт неминуче спирається на можливості інтерпретувати інтертекстуальне відношення цього малюнка чи споруди до попередніх «мов» образотворчих чи архітектурних моделей, як до інших мистецтв. Таким чином, рисунки монастирів, скитів, монастирських фрагментів на сторінках «Соловецького лабіринту» підсилює мультимедійне навантаження образу Соловків, який мав би доволі неоднозначне сприйняття, внаслідок відомого в літературі ХХ століття образу-штампу, який підсвідомо сприймається як місце катування й загибелі десятків тисяч невинних людей. На нашу думку, Богдан Теленько